

Методика обучения К.Д. Ушинского*

А.А. Штец

Период обучения «по первой книге после Азбуки»

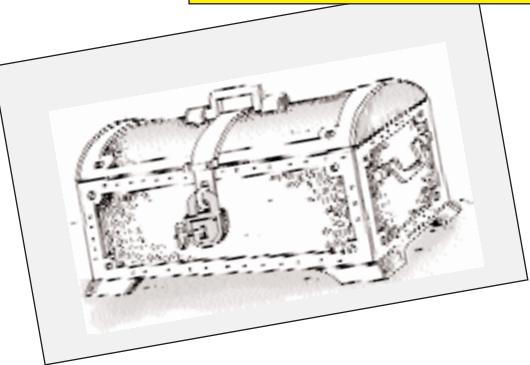
Своё руководство к обучению чтению в разделе «Первая книга после азбуки» К.Д. Ушинский начинает с крайне важной для методики обучения грамоте мысли: «На изучение Азбуки в том виде, как она изложена выше, я полагаю достаточным шести месяцев. Конечно, можно выучить дитя читать и писать гораздо быстрее, но я не понимаю цели, для достижения которой должно торопиться с этим делом. Что из того, если мы развернём перед ребёнком книгу раньше, чем он может понимать её и находить интерес в чтении? Я предпочитаю медленно приучать дитя к механизму чтения и письма, но вместе с тем развивать в нём способность внимания, устную речь, рассудок, обогащать его память живыми образами и меткими словами для выражения этих образов и вводить его понемногу в живой народный язык».

С точки зрения автора, главная цель, и не только периода обучения после азбуки, заключается в том, чтобы ребёнок постоянно «находил интерес в чтении», которое возможно только на основе понимания читаемого, освоения осмысленного чтения. Фактически Ушинский выступил против методической ошибки, встречающейся нередко и сегодня, – любой ценой добиться от ребёнка скорости чтения в ущерб пониманию: «Быстрота чтения должна развиваться сообразно с быстротой понимания. Если же дитя читает быстрее, чем может понимать, то значит, оно читает бессознательно. Так читали ученики старинных школ, иногда с быстротой трещотки, которой пугают воробьёв, чем доставляли большое удоволь-

ствие своим родителям и наставникам, но такое чтение не было целью при составлении моей книги. Быстрота чтения придёт сама собой, вместе с развитием понимания, а в начале преподавания она не только ни к чему не пригодна, но даже вредна».

Как видим, Ушинский формулирует один из важнейших для методики обучения первоначальному чтению принцип – **как скорость чтения, так и интерес к нему у ребёнка опосредованы развитием понимания читаемого**, т.е. степенью осмысленного чтения. Данный принцип требует уже с первых занятий обучения грамоте постоянно нацеливать все применяемые подходы, приёмы и средства на становление и развитие способности ребёнка понимать содержание чтения, «доходить до смысла читаемого». Если ребёнок, подчеркивает Ушинский, «угадывает звуки, произносит слова и не обращает внимания на содержание», то он «с первых же уроков приобретает вредную привычку читать без понимания того, что читает».

Таким образом методист ставит проблему реализации в обучении грамоте двух типов чтения: аналитического, предполагающего осознанное овладение техникой (механизмом) чтения и синтетического, ориентированного на освоение осмысленного чтения. Тем не менее в методической системе Ушинского соотношение между этими типами чтения на разных этапах обучения оказалось различным. В период «совместного изучения письма и чтения по азбуке» ведущая роль явно отводится анали-

* Окончание публикации серии статей. Начало см. в № 8, 9, 10 за 2009 г.

тическому чтению, хотя сам механизм чтения (письма) и предполагал чтение целых слов. В период обучения «по первой книге после азбуки» на передний план выдвигается обучение синтетическому чтению. Что же представляет собой эта содержательно-целевая линия в методической системе обучения первоначальному чтению Ушинского?

Сразу же заметим, что обучение синтетическому чтению в целом опирается на освоенные ребёнком умения аналитического чтения. Новые слова, и особенно «труднейшие из слов», как, например, слово *чернильница*, после предварительной беседы учитель разбирает по звуковому способу. И только затем дети приступают к их чтению. «Все двенадцать слов, заключающиеся, например, в 1-м номере, – рекомендует Ушинский, – должны быть прочитаны всеми учениками, и прочитаны с возможной отчётливостью. После чего некоторые из слов, особенно заключающих две согласные рядом, должны быть разобраны и сложены по звуковому способу, о котором сказано выше». В «1-м номере» слов с «двумя согласными рядом» десять: *книга, доска, тетрадь, карандаш, грифель, чернильница, линейка, волчок, кукла, кегли*.

Несложно заметить, что разбор трудных слов до чтения, а также их разбор и сложение после чтения требуют много времени и больших усилий со стороны как учителя, так и учащихся. Вместе с тем такая предварительная аналитическая работа со словами, по убеждению Ушинского, необходима, поскольку она позволяет учителю в дальнейшем «беспрестанными мелочными поправками не прерывать чтения», сохраняя у детей интерес к нему. Кроме того, подобная работа способствует и развитию речевого аппарата (артикуляции) школьников. Поэтому методист настаивал: «При чтении каждой отдельной группы слов должно налегать на отчётливое произношение каждого звука, насколько это возможно по развитию детского органа речи». Безусловно, такое внимание к развитию речевого аппарата ребёнка свидетельствует о том, что

Ушинский осознавал зависимость понимания в чтении от правильного звукового оформления слова в речи и необходимость решения средствами обучения первоначальному чтению различных логопедических проблем школьников.

Для того чтобы создать наиболее благоприятные условия для понимания читаемого, Ушинский разработал и обосновал **собственную концепцию развития у ребёнка внимания**. По убеждению учёного, «внимание есть та единственная дверь нашей души, через которую всё из внешнего мира, что только входит в сознание, непременно проходит; следовательно, этой двери не может миновать ни одно слово ученья, иначе оно не попадёт в душу ребёнка. Понятно, что приучить дитя держать эти двери открытыми есть дело первой важности, на успехе которого основывается успех всего ученья».

Для развития внимания учёный предложил одновременно учитывать особенности двух его видов – пассивного и активного.

Пассивное внимание возбуждается занимательностью предмета (содержания чтения) без участия воли или желания ребёнка. Оно возникает как результат пробуждающегося у ребёнка интереса к окружающему миру, активизируя процессы понимания. Естественно, обучение грамоте должно опираться на эту закономерность, насыщая обучение интересным для детей содержанием чтения. Вместе с тем Ушинский предостерегал, что «пробуждая интересы к окружающему в душе ребенка, и в особенности интересы к слушанию занимательных рассказов, мы должны остерегаться, чтобы не перейти через границу благоразумия и не обессилить детской души, кормя её только интересным для неё... и не возбуждая её к самостоятельной деятельности, которая прежде всего выражается в *активном* внимании».

«В активном внимании, – далее отмечает учёный, – не предмет уже владеет человеком, а человек предметом». Активное внимание появляется в результате волевых усилий человека с «сильным характером», способного «владеть своим вниманием», да-

же если предмет (содержание чтения) и незанимательный. «В жизни, – утверждает Ушинский, – это необходимое условие всякого дельного практического характера; в ученье – это необходимое условие всякого дельного ученика».

Но «в детях и воля, а следовательно, и активное внимание непременно слабы», поэтому, считает методист, «должно делать ученье занимательным для ребёнка, но в то же время должно требовать от детей точного исполнения и незанимательных для них задач... давая пищу пассивному вниманию и упражняя активное». В основе упражнений, развивающих активное внимание ребёнка, лежит принцип «усиливающейся деятельности» – от лёгкого к сложному.

Открывают 1-ю часть «Родного слова» упражнения «Названия предметов по родам и видам».

Уже в первой группе слов детям предлагается выборочное чтение слов в противопоставлении двух родовидовых понятий «учебные вещи» и «игрушки». Такие же упражнения используются в других группах слов: «Мебель и посуда», «Кушанья и напитки» и т.д. «Цель этих упражнений, – по мнению методиста, – очевидна: они, кроме упражнения в правильном, ясном чтении, требующем не быстрого перехода от одного слова к другому, но повторения слов, приучают дитя к внимательности с первых же уроков чтения».

В этой связи отметим, что выборочное чтение слов ориентировано на освоение детьми двух форм чтения: вслух и про себя. Факт крайне важный, свидетельствующий о том, что методическая система обучения синтетическому чтению Ушинского отличалась необходимостью полнотой.

С № 21 в «Родном слове» к прежнему типу упражнений добавляются новые. Это «неоконченные фразы, которые должен окончить ученик; вопросы, на которые он должен отвечать». В данном типе упражнений активное внимание детей переключается на построение целого предложения по аналогии с предыдущим.

Например:

Мох – растение, а булыжник – камень.
Январь – зимний месяц, а май?

В подобных упражнениях даются различные понятия и в различных комбинациях с определённой последовательностью: сначала идут упражнения на имена существительные, потом на глаголы.

Данные упражнения, кроме развития активного внимания, выполняют и ещё две не менее важные функции в обучении: активной пропедевтики собственно русского языка как систематического курса обучения и развития связной речи детей (включение в их активный словарный запас огромного количества новых слов). В течение всего обучения грамоте, начиная с № 1 Азбуки, Ушинский предлагает проводить первичное наблюдение детей над буквами в словах, «не имеющими своего настоящего произношения», например, *у осы, волы, гони, моего, сиг* и др. Это не что иное, как различные орфограммы и, следовательно, пропедевтический материал правописания. Конечно, мы можем спорить по поводу того, насколько полно организовано это наблюдение над орфограммами, тем не менее следует признать абсолютную правильность постановки Ушинским методической задачи – наряду с правилами русской графики знакомить детей при обучении грамоте и с орфографией. Кроме того, практическое освоение детьми имён существительных и глаголов готовит их к изучению грамматики (частей речи), однако такое введение в морфологию русского языка органично вплетено в структуру развития речи детей, демонстрируя вполне обоснованный методический подход к отбору содержания обучения грамоте. Первичные знания о русском языке не являются самоцелью, они должны обеспечивать «полезные навыки», в первую очередь в связной устной и письменной речи учащихся. Об этой особенности пропедевтики русского языка говорит и сам Ушинский, касаясь результатов первого года обучения: «В упражнениях первого года "Родного слова" можно было приобрести умение писать без ошибок множество существительных и несколько глаго-

лов, а вместе с тем навык правильно соединять глагол с существительными и, следовательно, составлять небольшие, простые нераспространённые предложения».

Таким образом, содержательно-целевая линия обучения синтетическому чтению в методической системе Ушинского реализуется с позиций логики развития речи, в структуре которой решаются вопросы осмысленного чтения, развития активного внимания и пропедевтики русского языка. Вместе с тем, развивая речь как «дар слова», Ушинский открывает для ребёнка «сокровищницу народного духа», **воспитывает его духовно на основе народного языка**. Это главная внутренняя составляющая содержания обучения грамоте, по сути, развития ребёнка как личности.

В своей концепции развития ребёнка учёный опирался на исходный тезис, сформулированный в руководстве в виде лаконичного напоминания: «Педагог не должен забывать, что дух наш питается идеями, тело – материальной пищей, а душа и все её способности – деятельностью». Содержание обучения, в том числе и грамоте, обязано давать ребёнку пищу и для развития его духа (ментальной сферы личности), и тела (физической сферы), и души (эмоционально-волевой сферы). Этой пищей для ребёнка, по убеждению Ушинского, является родное слово, в котором живёт «вечно юная, вечно развивающаяся душа народа».

С этой точки зрения содержание обучения грамоте строится в трёх основных плоскостях.

1. Русские пословицы, поговорки, прибаутки и загадки.

Выбор пословиц и поговорок обусловлен, по мнению методиста, тем, что по своей форме они «сами дыша жизнью, пробуждают к жизни и семье родного слова, всегда коренящиеся, хотя и бессознательно, в душе ребёнка» и «важны для первоначального обучения тем, что в них, как в зеркале, отразилась русская народная жизнь со всеми своими живописными особенностями <...> Может быть, ничем нельзя так ввести

дителя в понимание народной жизни, как объясняя ему значение народных пословиц».

Кроме того, содержание обучения грамоте призвано давать пищу и для развития ума ребёнка, его ментальной сферы: «Пословица тем именно и хороша, что в ней почти всегда, несмотря на то что она короче птичьего носа, есть нечто, что ребёнку следует понять: представляет маленькую умственную задачу, совершенно по детским силам».

Не менее важную функцию этот учебный материал выполняет и для развития эмоционально-чувственной сферы ребёнка. Многочисленные поговорки, прибаутки, скороговорки, поэтические загадки, признаётся Ушинский, «я поместил затем, чтобы выломать детский язык на русский лад и развить в детях чутьё к звуковым красотам родного языка». И добавим, сохраним таким образом в родном языке «его цвета, краски поэзии и жизни».

2. Русские народные сказки.

Русской сказке как одному из жанров прозы в методической системе Ушинского отводится едва ли не центральное место. По крайней мере, в соотношении с рассказами из детской художественной литературы методист отдаёт явное предпочтение именно русской народной сказке: «Я решительно ставлю народную сказку недосыгаемо выше всех рассказов, написанных нарочно для детей образованной литературой». Её высшая ценность, с точки зрения педагога, заключается в том, что она несёт в себе «сердечные верования народа», в ней «великое и исполненное поэзии дитя-народ рассказывает детям свои детские грёзы», порой искренне веря в то, что рассказывает. «Это – первые и блестящие попытки русской народной педагогики, и я не думаю, – подчёркивает Ушинский, – чтобы кто-нибудь был в состоянии состязаться в этом случае с педагогическим гением народа».

Педагогические возможности сказки Ушинский видит в том, что она избавлена от «моральных сентенций», приносящих детям больше вреда, чем пользы; мораль сказки «заключается

не в словах, а в самой жизни семьи, охватывающей ребёнка со всех сторон и отовсюду ежеминутно проникающей в его душу». Иначе говоря, педагог выделил главную особенность народной сказки – её естественное воспитательное воздействие на ребёнка. Ему и в своей Азбуке удалось свести до минимума весьма распространённое в букваристике того времени морализаторство.

Вместе с тем Ушинский понимал и огромные методические возможности сказки как эффективного средства обучения первоначальному чтению: «Народная сказка читается детьми легко уже потому, что во всех детских народных сказках беспрестанно повторяются одни и те же слова и обороты; из этих беспрестанных повторений, удовлетворяющих как нельзя более педагогическому значению рассказа, слагается нечто целое, стройное, легко обозримое, полное движения, жизни и интереса». Поэтому сказка не только интересна для ребёнка, но и представляет собой «превосходное упражнение в самом первоначальном чтении», так как «чрезвычайно быстро запечатлевается в памяти дитяти со всеми своими живописными частностями и народными выражениями».

Высоко оценивая методические возможности сказки, Ушинский всё же прибегал к некоторой её корректировке, чтобы адаптировать текст к особенностям обучения 1-го года: «Я позволил себе кое-где сокращать сказки, выбрасывая из них то, что могло бы потревожить нашу пугливую мораль, а иногда с целью ещё более упростить рассказ и из двух-трёх происшествий, соединённых в сказке, сообщить детям одно». И далее он чётко формулирует свой подход к этим изменениям: «Имея педагогическую, а не литературную цель, я не боялся делать подобные перемены, но везде, где можно, держался возрений и выражений народа». Так Ушинский вводит в методику обучения первоначальному чтению понятие адаптированного текста и методический принцип его построения.

Кроме этого, педагог разработал и оригинальную методику работы с текстом сказки на уроке. Она

предусматривала несколько основных приёмов обучения, которые могут расцениваться и как определённые этапы работы с «классными рассказами»:

- 1) предварительный рассказ сказки учителем перед её чтением, т.е. подготовленное чтение;
- 2) чтение сказки без предварительного знакомства с её содержанием;
- 3) коллективный пересказ сказки детьми после чтения в целях восстановления её полного содержания;
- 4) возвращение к ранее прочитанным сказкам и их повторное чтение.

Самым ценным, на наш взгляд, в таком подходе к работе с текстом сказки является то, что Ушинский строил методику, в первую очередь исходя из потребностей детей, из того, «что они очень любят», предлагая ту деятельность, которая воспринимается детьми «с величайшей охотой». Безусловно, в этой частной методической детали отражается глубокий гуманистический смысл всей методической системы обучения грамоте Ушинского.

3. Стихи.

Решая общую задачу «выломать детский язык на русский лад и развить в детях чутьё к звуковым красотам родного языка», Ушинский не мог обойти в дидактическом материале поэтические тексты, поскольку именно в них особенно ярко отражается музыкальность родного языка, «его цвета, краски поэзии и жизни». Практически для каждого занятия первой после Азбуки книги для чтения предлагаются разнообразные, но вместе с тем педагогически выверенные стихотворения, детские песенки и др. В книге примерно поровну прозаических и поэтических текстов.

На наш взгляд, пропорциональное соотношение прозы и поэзии в содержании обучения первоначальному чтению может и должно расцениваться как одно из важнейших требований к средствам, применяемым в обучении грамоте. Стихи, предложенные Ушинским, существенно расширяют возможности обучения в развитии души ребёнка, его эмоционально-чувственной сферы. «Если в стихах, – подчёркивает педагог, – не искажена

мысль, есть картина или проблеск чувства, доступного детям, то я помещал эти стихи ради каданса и рифмы, которые нравятся детям и производят на них хорошее впечатление». Подобным образом отобранные поэтические тексты обеспечивают и полноту содержания обучения грамоте.

Ушинский советует «разучивать стихотворения не иначе как в классе» и в следующей последовательности:

1. «Учитель сначала излагает детям содержание стихотворения и, если оно сколько-нибудь затруднительно, объясняет каждую мысль, каждое слово, конечно, не навязывая длинных объяснений на маленькие стихотворения.

2. Потом учитель прочитывает стихотворение по частям.

3. Дети, руководимые кадансом и рифмой, тут же в классе легко заучивают одну часть за другой.

4. Несколько позднее... можно уже будет требовать, чтобы дети умели писать без ошибок все маленькие заученные ими стихотворения...»

На первый взгляд, в такой деятельности нет ничего особенного. Однако при внимательном рассмотрении можно увидеть одну крайне важную для первоначального чтения деталь – дети заучивают стихотворение в классе до его чтения и письма. На всех подготовительных этапах работы со стихотворением его читает учитель. Из этого следует, что в предложенной Ушинским методике, хотя и не вполне осознанно, используется эффект «чтения наизусть», т.е. чтения текстов, предварительно заученных на слух.

По своим функциям «чтение наизусть» – особый способ обучения чтению, который может пониматься и как определённый механизм в освоении синтетического чтения. Его принципиальные отличия в методике К.Д. Ушинского, по нашему мнению, заключаются в следующем. Во-первых, вместо громоздких молитв дети «читают наизусть», как правило, короткие и интересные для них стихотворения. Это существенно облегчает возникновение связей между смыслом слова и его графическим образом в тексте, ускоряет процесс освоения пословного чтения. Во-вторых, узнавание слова, т.е. идентифи-

кация его смысла в графике, происходит только на основе непосредственного соотношения букв и их звуковых значений, что предполагает «открытие» ребёнком только обобщённых моделей буква – звук. В целом методика работы с поэтическими текстами «Родного слова» создавала необходимые условия для пословного чтения и, следовательно, содержательно-целевая линия синтетического чтения была обеспечена собственным механизмом чтения.

Завершая анализ методической системы обучения грамоте Ушинского, необходимо сделать главный вывод: его методика обучения грамоте в основе своей ориентирована на ребёнка, в своей структуре и содержании учитывает его возрастные особенности, потребности и возможности. В этом заключается её гуманистический смысл и огромное значение для современной методической науки. Её центральная идея естественного развития ребёнка средствами обучения грамоте была не только реализована в доступной для массового обучения технологии, но и обеспечена глубоким научным обоснованием.

«Главнейшие дидактические правила первых лет ученья», сформулированные педагогом, нашли своё конкретное выражение и развитие в методической системе «Родного слова». Безусловно, в таком принципиально новом подходе к обучению грамоте Ушинскому не удалось ответить на все вопросы методики. Тем не менее именно эти вопросы приобрели для методики обучения грамоте определяющее значение, так как ставили перед ней собственно научные задачи, которые, в конечном счёте, и обеспечили её дальнейшее развитие как особой научно-прикладной отрасли знаний.

Александр Александрович Штец – доктор пед. наук, профессор кафедры педагогики Мурманского областного института повышения квалификации работников образования и культуры, г. Мурманск.